Библиотека начальной школы

Летучий корабль

Сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге «Летучий корабль. Сказки» собраны самые читаемые в начальной школе русские народные и сатирические сказки: «Царевна лягушка», «Хаврошечка», одноимённая сказка «Летучий корабль» и многие другие. Некоторые из сказок грустные, а некоторые наоборот очень задорные, но все они показывают смекалистый и сильный характер русского народа. Поэтому они и называются «народными». Каждая сказка красочно проиллюстрирована. Рисунки С. Бордюга и Н. Трепенок, М. Митрофанова, Н. Салиенко и др.

Для младшего школьного возраста.

- Летучий корабль. Сказки
  - ○
  - ○ Летучий корабль
  - ○ Царевна-Несмеяна
  - ○ Хаврошечка
  - ○ Царевна-лягушка
  - ○ Свинья на свадьбе
  - ○ Чего на свете не бывает
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Летучий корабль. Сказки
Обработка А. Н. Афанасьева, пересказ В. П. Аникина и др

© Аникин В. П., пересказ, 2017
© Толстой А.Н., обработка, насл., 2017
© Ил., Бордюг С. И. и Трепенок Н. А., 2017
© Ил., Глазов И. Н., 2017
© Ил., Карпенко М. М., насл., 2017
© Ил., Митрофанов М. С., 2017
© Ил., Салиенко Н. П., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Летучий корабль

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо – в чёрной сорочке ходил. Прослышали они, что пришла от царя бумага: «Кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц[1], разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идёшь?» – «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». – «Разве ты можешь сделать такой корабль?» – «Нет, не сумею!» – «Так зачем же ты идёшь?» – «А бог его знает!» – «Ну, если так, – сказал старик, – то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». – «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» – «Ничего, вынимай; что бог дал – то и поснедаем!» Дурень развязал торбу – и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, – сказал ему старик, – как Бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён… Давай же выпьем наперёд горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай

же – ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, рас-прощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тюкнул по дереву секирою, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него – и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь – лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» – «Здоров, небоже». – «Что ты делаешь?» – «Слушаю, что на том свете делается». – «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь – идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» – «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» – «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели.

Летели-летели, глядь – стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что – неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». – «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» – «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь – несёт человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идёшь?» – «Иду, – говорит, – добывать хлеба на обед». – «Да у тебя и так полон мешок за спиною». – «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». – «Садись-ка с нами!» Объедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» – «Пить хочется, да воды не найду». – «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?» – «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». – «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели.

Летели-летели, глядь – идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?» – «Да это не простые дрова». – «А какие же?» – «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». – «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше.

Летели-летели, глядь – человек несёт куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?» – «В село». – «Разве в селе-то мало соломы?» – «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её – так зараз холодно сделается: снег да мороз!» – «Садись и ты с нами!» – «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё чёрные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целющей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услыхал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» – «Не бойся, – сказал ему скороход, – я за тебя справлюсь». Пришёл слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» – отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целющей и живущей воды: «Успею, – думает, – воротиться!» – присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удальство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услыхал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» – «Не бойся, – отвечает Объедало, – мне ещё мало будет!» Пришёл слуга, явил царский указ. «Хорошо, – сказал дурень, – давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Объедало один всё поел. «Эх, – говорит, – мало! Ещё б хоть немножко дали…» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». – «Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; ещё мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Ещё б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». – «Эх ты! – отозвался мужик с вязанкою дров. – А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтрему целый полк войска». – «Добре, зроблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны – тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нём души не чаяла.

Царевна-Несмеяна

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житьё, какое приволье, какое роскошье! Всего много, всё есть, чего душа хочет, а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце её ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь.

Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем.

– Пускай, – говорит, – пытаются развеселить Несмеяну-царевну. Кому это удастся, тому она будет женою!

Только это вымолвил, как закипел народ у царских ворот!

Со всех сторон едут, идут – и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые.

Начались пиры, полились мёды – царевна всё не смеётся.

А на другом конце в своём уголке жил честной работник. По утрам он двор убирал, вечерами скот пас – в беспрестанных был трудах.

Хозяин его – человек богатый, правдивый – платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол.

– Бери, – говорит, – сколько хочешь!

А сам в двери и вышел вон.

Работник подошёл к столу и думает: как бы перед Богом не согрешить, за труды лишнего не положить? И выбрал одну только денежку. Зажал её в горсти да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь – денежка у него выкатилась и потонула на дно.

Остался бедняк ни с чем. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет.

– Господь, – говорит, – знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последние отнимает. Видно, я мало трудился, теперь стану усердней!

И снова за работу – каждое дело в его руках огнём горит!

Кончился срок, минул ещё год, хозяин ему мешок денег на стол.

– Бери, – говорит, – сколько душа хочет!

А сам в двери и вышел вон.

Работник опять думает, как бы за труд лишнего не положить. Взял денежку, пошёл напиться и выпустил невзначай из рук – денежка упала в колодезь и потонула.

Ещё усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина всё бутеет[2]; чья скотина ноги завивает, а его по улице брыкает; чьих коней под гору тащат, а его и в поводу не сдержать.

Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол:

– Бери, работничек, сколько душа хочет. Твой труд – твоя и деньга!

А сам вышел вон.

Берёт работник опять одну денежку, идёт к колодезю воды испить – глядь: последняя деньга цела, и прежние две наверх всплыли. Подобрал он их, догадался, что Бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!»

Подумал и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он полем, бежит мышь:

– Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!

Дал ей денежку.

Идёт лесом, ползёт жук:

– Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Дал и ему денежку.

Поплыл рекой, встретился сом:

– Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Он и тому не отказал, последнюю отдал.

Сам пришёл в город. Там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти – не знает.

А перед ним стоят царские палаты, серебром-золотом убраны, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него глядит. Куда деваться? Затуманилось у него в глазах, нашёл на него сон, и упал он прямо в грязь.

Вдруг откуда ни возьмись – сом с большим усом, за ним жучок-старичок, за ним мышка-стрижка. Все прибежали!

Ухаживают, ублаживают: мышка платьице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет.

Глядела, глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась.

– Кто, кто развеселил мою дочь? – спрашивает царь.

Один говорит: «Я!», другой: «Я!»

– Нет, – сказала Несмеяна-царевна. – Вон этот человек!

И указала на работника.

Тотчас его во дворец, и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом!

Царь своё царское слово сдержал: что обещал, то и даровал.

Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была, – так надо верить!

Хаврошечка

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала – и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-поживать:

– Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают,

плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано.

Так и сбывалось… Отнесёт Хаврошечка холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст…

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка и не дозналась и послала вторую дочь – Двуглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

И Двуглазка забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи другой!

Двуглазка глаза и смежила! Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь – Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

– Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу.

– Режь рябую корову!

Делать нечего. Стал точить старик ножик.

Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

– Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

– А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала. И выросла из них яблонька, да какая! – яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, гуляли сёстры раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек – богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки.

– Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне. А яблочки-то висели низко, а тут поднялись высоко, далеко над головами. Сёстры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучки косы расплетают.

Подошла Хаврошечка – веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не знать.

Царевна-лягушка

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у него было три сына – все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит им царь такое слово:

– Дети мои милые! Возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там

и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат – упала она на боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат – полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуша-квакуша.

Говорит Иван-царевич:

– Как мне за себя квакушу взять? Квакуша – не ро`вня мне!

– Бери, – отвечает ему царь, – знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше.

Призывает их царь и приказывает:

– Чтобы жёны ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу!

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? –

спрашивает его лягуша. – Аль услышал от отца своего слово неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб.

– Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою, вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов – и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

– Чтобы жёны ваши соткали мне за единую ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

– Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать, чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковёр давно готов, и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ: чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел,

ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услыхал слово неприветливое?

– Как же мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу?

– Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

– Что же ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты эдакую красавицу выискал? Чай, всё болото исходил!

Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец затрясся.

Гости крепко напугались, повскакали со своих мест и не знают, что им делать, а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь, гости дорогие! Это моя лягушонка в коробчонке приехала!

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то же делать. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались!

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми – кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их с глаз долой.

Тем временем Иван-царевич улучил минуту, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожи; приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

– Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился Богу на все четыре стороны и пошёл куда глаза глядят.

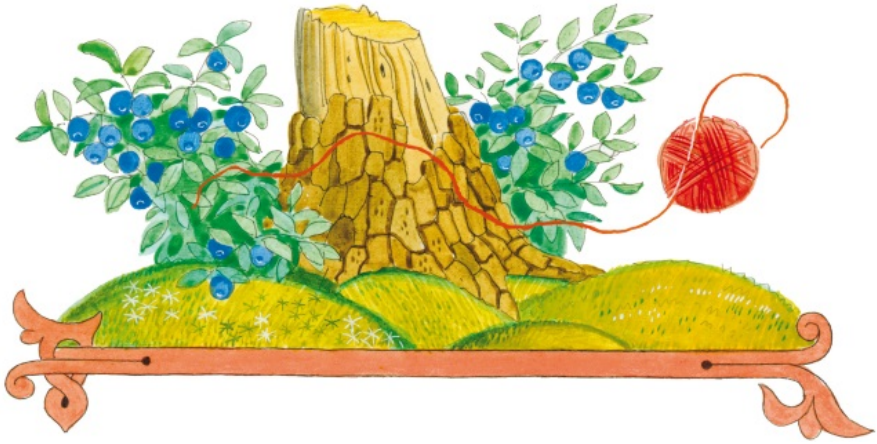
Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли – попадается ему навстречу старый старичок.

– Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему своё несчастье.

– Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась, он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушей быть. Вот тебе клубок: куда он покатится – ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошёл за клубочком. Идёт чистым полем, попадается ему медведь.



«Дай убью зверя», – думает Иван-царевич.

А медведь говорит ему:

– Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пошёл дальше.

Идёт он дальше, глядь – а над ним летит селезень; царевич прицелился из лука, хотел было застрелить птицу, как вдруг говорит она человечьим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь.

Он пожалел и пошёл дальше.

Бежит косой заяц; царевич опять за лук, стал целиться, а заяц ему человечьим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел зайца и пошёл дальше – к синему морю. Видит – на песке лежит, издыхает щука-рыба.

– Ах, Иван-царевич, – сказала щука, – сжалься надо мною, пусти меня в море.

Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается. Говорит Иван-царевич:

– Избушка, избушка! Стань постарому, как мать поставила, – ко мне передом, а к морю задом!

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

– Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал? – спрашивает Баба-Яга Ивана-царевича.

– Ах ты Баба-Яга, костяная но-га, – говорит Иван-царевич, – ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала.

Баба-Яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

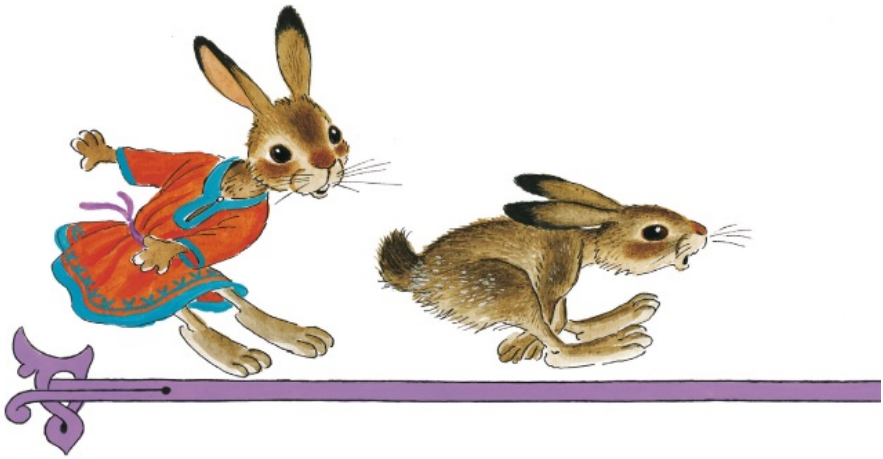
– А, знаю! – сказала Баба-Яга. – Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла – в яйце, то яйцо – в утке, та утка – в зайце, тот заяц – в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

Указала Баба-Яга, в каком месте растёт этот дуб.

Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать. Вдруг – откуда ни взялся – прибежал медведь и вывоpотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился; глядь – а за ним уж другой заяц гонится; нагнал, ухватил и в

клочки разорвал.



Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, летит, а за ней селезень бросился, как ударит её – утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил его, достал иглу и отломил кончик. Сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть!

Иван-царевич пошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

Свинья на свадьбе

Жил барин. И была у него свинья с поросятами. Аксеньей её звали. И мужик неподалёку жил. Жена у него была.

Вот приезжает мужик этот к барину на санях – снег уже выпал. Кланяется и говорит:

– Есть у тебя, барин, свинья Аксенья! А у меня есть жена – Ефросинья! Хочу я с Ефросиньей свадьбу сыграть, а твою свинью Аксенью на свадьбу позвать.

Барин смеётся:

– Ну, раз ты такой дурак – свинью на свадьбу зовёшь, сажай мою Аксенью в сани да вези – пусть погуляет. Береги её только как во лбу глаз!

– Спасибо, барин, – мужик говорит.

Подгоняет сани к крыльцу и туда свинью впихивает:

– Да как она одна поедет, на кого поросят оставит?

– Пусть и поросята едут, – барин говорит.

– А холодно им не будет – мороз ударил?

– На, возьми шубу, прикрой их, потом заодно привезёшь!

Достаёт барин из сундука шубу. Кладёт в сани.

Уехал мужик.

День барин ждёт. Гуляет свинья Аксенья на свадьбе. Другой день ждёт. Гуляет! На третий день слугу подзывает:

– Поди к мужику, узнай, почему Аксенью домой не везёт!

Пошёл слуга к мужику. Тот ему и говорит:

– Никакой свиньи Аксеньи я не звал, свадьбы не гулял, да и женат я на Ефросинье давным-давно, – какая уж тут свадьба!..

Слуга возвращается и рассказывает барину:

– Никакой свиньи Аксеньи мужик не звал, свадьбы не играл, да и женат он на Ефросинье давным-давно, – какая уж тут свадьба!

Барин очень разозлился. Решил мужика проучить. И подал на него в суд.

Вызывает судья барина и мужика. Барин прямо в палату к судье идёт, а мужик у двери стоит, шапка снята.

Судья спрашивает:

– Расскажите, барин, что у вас произошло?

– А вот что у нас произошло. У меня свинья – Аксенья, а у него жена – Ефросинья. Задумала Ефросинья свадьбу играть, решила Аксенью на свадьбу позвать, да не одну, а с поросятами. Вот её муж, мужик этот, приехал мою Аксенью в гости звать на Ефросиньину свадьбу.

Судья говорит:

– Ничего понять не могу: у кого жена Ефросинья, а у кого Аксенья? И если он Аксенье муж, то зачем с ней свадьбу играть? И что за поросята ещё?

Барин объяснять пустился:

– Аксенья – это свинья моя. А у мужика жена Ефросинья. Вот мужик этот приехал Аксенью на свадьбу звать…

– Какую Аксенью? Свинью, что ли?

– Свинью с поросятами! Я ей ещё шубу дал, чтоб не замёрзли!

– Кому шубу?

– Как кому? Аксенье, свинье! Не понимаешь, что ли?

Мужик стоит у двери, смеётся.

Посмотрел судья, решил, что барин с ума сошёл, и говорит:

– Кому жена Аксенья, кому Ефросинья – нет на вас моего терпенья. А чтоб я не отправил вас на поселенье – катитесь-ка вы лучше по домам!

Так свинья у мужика и осталась!

Чего на свете не бывает

Жил-был барин, богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел – пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А всё у него денег не убывало, ещё прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком, себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:

– Слушай, мужик. Дам я тебе денег целую малёнку, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли: и на чёрте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же: чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

– Не знаю, – говорит, – барин, кажись, взаправду всё на свете бывает. Дай сроку до завтра, – может, и вздумаю.

– Ну пойди, подумай, – говорит барин, – а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, всё барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придёт: «Может, это и бывает, только я не знаю. Ну да ладно, скажу наудачу, авось чего и не бывает!»

На другой день пришёл он к барину.

– Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

– Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнёт.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости, видят – мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо малёнку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел ещё над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

– Нашёл, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях – так сплошь и рядом. Ступай с Богом до завтра. Придумаешь – ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает, всё надежда плохая на барские деньги. «Хитры немцы, – думает, – у них, может, всё бывает. Ну да скажу ещё что-нибудь».

Приходит наутро к барину.

– Ну, мужик, всё ли на свете бывает?

– Не всё, барин: баба попо`м не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

– Нет, – говорит, – это бывает: по неметчине и всё так. Поди подумай последний раз. Скажешь – бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик, идучи домой, думает: «Видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были!»

Всё-таки через ночь опять идёт к барину. «Наскажу, – думает, – ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет».

– Ну, что хорошенького скажешь? – спрашивает барин. – Не узнал ли, чего на свете не бывает?

– Всё, барин, бывает, – говорит мужик. – Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

– Как же ты на небо попал?

– Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку. Повидался с ней, с

ребятишками и к твоей милости воротился.

– И назад с журавлями?

– Нет, назад я соскочил.

– Как же ты, мужичок, не убился?

– А так, что по уши в землю завяз, не жёстка земля попалась.

– Из земли же как вылез?

– Хе… как! А сходил домой, принёс лопату, выкопался, да и вылез.

– Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

– Как же, видел, к ручке допустить изволили.

– Ну, что он там делает? – допрашивает барин.

А мужик-то, не будь плох, догадался и говорит:

– Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

– Врёшь, мужик-дурак! – закричал барин. – Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги, да не мели околесицы!

notes

Примечания

1

Паляница – хлеб *(Прим. ред.)*.

2

Бутеет – здесь: всё в достатке *(Прим. ред.)*.